

№ 35.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

1915 г.

1-й экз. 29494, 102

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 Р.

ПЕТРОГРАДЪ.

МАЙ.

Нѣмцы при отступленіи дѣлають тщетныя попытки свинуть съ мѣста и отвезти на шоссе огромное орудіе.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

На 1 годъ
4 руб.

на сенсационный, литературно-художественный
роскошно-иллюстрированный въ краскахъ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

На 1/2 года
2 руб.

20-й ВЪКЪ

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)

Каждый номеръ, **СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ.**
до конца войны,

за четыре года существованія—„20-й ВЪКЪ“ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ, по количеству тиража въ русской періодической печати.

180.000 экземпляровъ въ недѣлю—лучшее доказательство необычайнаго успѣха журнала у русской читающей публики.

Каждый № „20-го ВЪКЪ“ содержитъ въ себѣ захватывающе-интересные военные рассказы русскихъ и иностранныхъ авторовъ.—Рассказы-корреспонденции съ театра войны.—Разоблаченія военного шпионажа непріятельскихъ странъ.—Кошмары войны.—Война въ воздухѣ.—Война подъ водой.—Наши

герои.—Военно-историческій альбомъ.—Шрапнель (курьезы войны).—Веселыя мины.—Художественное воспроизведеніе рисунковъ.—Вѣрныя рисунки ясны и отчетливы.—Картинки и рисунки на военныхъ тѣнахъ.—Вооруженіе друзей и враговъ.—Фотографіи собствен. корреспонд. съ театра войны.

Подписная цѣна съ пересылкой по всей Россіи: На 1 годъ 4 руб.; на полъ-года 2 руб., на 3 мѣс. 1 р.

Деньги адресовать въ контору журнала „20-й ВЪКЪ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

Розничная продажа, по 6 коп. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на пароходн. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(одиннадцатый годъ изданія),

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ иллюстрированный
худож.-литерат.

ЖУРНАЛЪ РУССКОЙ И ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕГКАГО ЖАНРА

„ВСЕМІРНЫЙ ЮМОРЪ“

Въ журналѣ печатаются злободневные „военные“ фельетоны и рассказы легкаго жанра лучшихъ иностран. авторовъ, изъ послѣднихъ №№ французскихъ, английскихъ, итальянскихъ и польскихъ юмористическихъ изданій.

Особенное вниманіе обращено на художественную сторону заданий.

На мѣнѣ 30 рис. и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ въ многокрас. обложкахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: на 1 годъ 5 р., на 1/2 года 2 р. 50 к., на 1/4 года 1 р. 50 к.

Розничная продажа №№ журналовъ производится во всѣхъ кіоскахъ столицъ и провинціи, на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ пристаняхъ и у газетчиковъ—по 10 к. за номеръ.

Деньги и письма адресовать въ главную контору журнала „Всемирный Юморъ“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(одиннадцатый годъ изданія),

на ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ САТИРЫ и ЮМОРА
„ПОПРЫГУНЬЯ-СТРЕКОЗА“

ВО ВСЕ ВРЕМЯ ВОЙНЫ

каждый номеръ СПЕЦИАЛЬНЫЙ-ВОЕННЫЙ.

Не менѣе 30 рисунковъ и каррикатуръ въ каждомъ номерѣ, въ многокрасочныхъ обложкахъ.

Безпощадная борьба съ нашими врагами, при помощи ядовитого смѣха—вотъ задача журнала въ 1915 г. Журналъ гордится тѣмъ, что уже испортилъ много крови кайзеру Вильгельму и Францъ-Иосифу, которые уже дали обещанія разстрѣлять редактора и всѣхъ сотрудниковъ... когда въ полѣ ракъ свистнѣтъ.

Въ 1915 г. въ журналѣ „Попрыгунья-Стрекоза“ по прежнему принимаютъ участіе слѣдующіе знаменитые русскіе юмористы:

Серъ Пичъ-Брэнди.—Евгеній Венскій.—Евгеній Сно (Ясновидящій).—Наль.—И. Герсонъ (Зрячій).—Сергій Михѣевъ.—Вегеновъ.—Н. Агнiewiczъ.—Вильгельмъ Теткинъ.—Амадисъ Гальскій и друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ пересылкой по всей Россіи: На 12 мѣс. 4 руб.; на 6 мѣс. 2 руб.; на 3 мѣс. 1 руб.

Деньги адресов. журналу „Попрыгунья-Стрекоза“ Петроградъ, 7-я Рождественская, 30.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА, по 7 к. за номеръ, производится у всѣхъ газетчиковъ столицъ и провинціи, на парох. пристаняхъ и въ кіоскахъ

НА ВСѢХЪ СТАНЦІЯХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ.

Условия подписки

съ доставкой и
пересылкой по
всей Россіи:

на годъ . 4 р. — к.
• 1/2 года 2 „ — „
• 1 мѣс. — „ 30 „

Перем. адреса 25 к.
Непринятые рукописи
не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Тарифы объявлений:

За строку непара-
рели въ 1 стол-
бецъ:

(1/4 шир. стран.)

впер. текста . 90 к.

позади „ . 60 „

Постоянные заказы по
соглашенію.

№ 35—1915 г. Главная контора журнала: Бухарестъ, 7-я Рождественская, 30. = Май. =

„ПРОПАЩІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.“

Рассказъ изъ прошлой русско-турецкой войны.

Жаркимъ июньскимъ днемъ N-я батарея, вытянувшись гуськомъ, двигается по Военно-Грузинской дорогѣ.

Въ воздухѣ совершенно тихо. Пыль, поднятая людьми и лошадьми, такъ и стоитъ цѣлымъ облакомъ и покрываетъ сѣрою дымкой усталыя и потныя лица артиллеристовъ. Сѣрая лента ровнаго, какъ скатерть, шоссе змѣей вьется по уступамъ горъ, забѣгая въ ихъ изгибы. Справа и слѣва уходятъ въ облака громады Кавказскихъ горъ. Терекъ, сдавленный ихъ объятіями, бѣшено рвется, наполняя грохотомъ узкое и дикое ущелье. Дорога взбирается все выше и выше, а горы становятся все страшнѣе и угрюмѣе, какъ будто нарочно загромождая путь дерзкому человѣку, который ползетъ на ихъ снѣжные хребты. И въ душѣ шевелится тяжелое, щемящее чувство ничтожества...

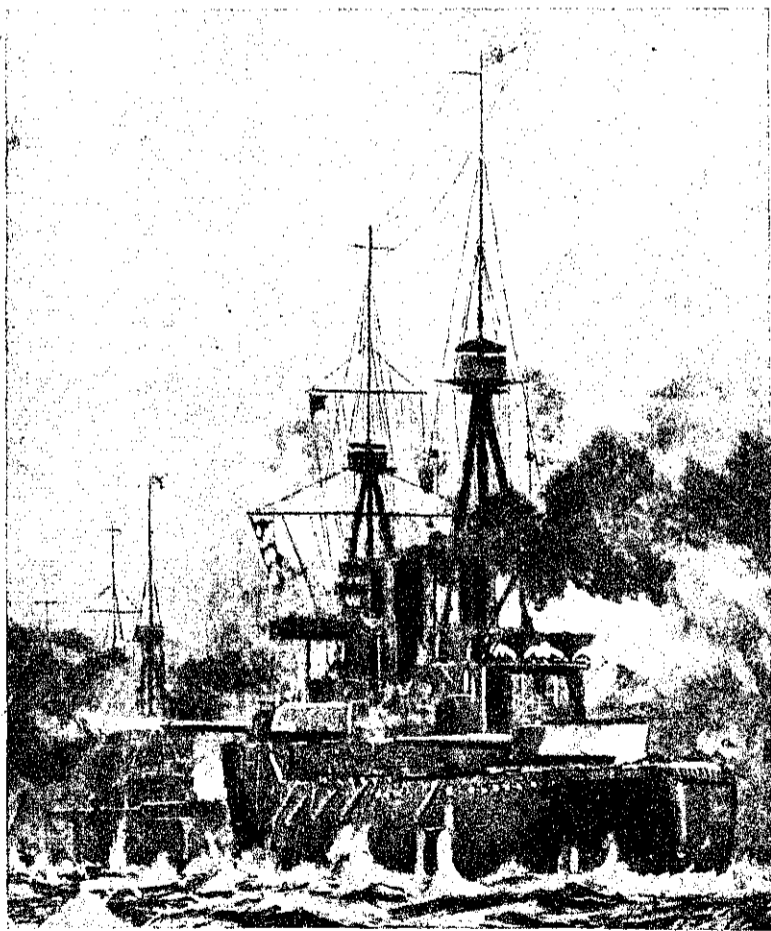
— Ваше высокородіе, докладываетъ фельдфебель командиру батареи, толстому полковнику съ жирнымъ лицомъ и заплаканными глазками, — Юрченко только что теперь прибѣгъ; на перекличкѣ не былъ; самый пропавшій человѣкъ. Арестантъ, какъ есть арестантъ. Одинъ конфузъ для батареи...

Но командиръ относится довольно безучастно къ словамъ фельдфебеля. Ему слишкомъ жарко, ему не до Юрченка совсѣмъ и не до жалобъ на него. Онъ чувствуетъ только, какъ его грузное тѣло, установленными какъ-то впередъ въ стремена коротенькими ножками, беспомощно качается на сѣдлѣ. Жирная шея выползла изъ-за воротника, и ее горячо припекаетъ солнце. Онъ силится вспомнить про Юрченку и вникнуть въ то, что говоритъ фельдфебель.

— Юрченко — балагуръ, запѣвало, гармонистъ и весельчакъ, но неисправимый забулдыга и пьяница. Гдѣ Юрченко — тамъ пѣсни, веселье, здоровый раскатистый хохотъ. Этотъ Юрченко, такъ и знали всѣ, составлялъ какъ бы поэтической элементъ въ батареѣ среди хлопотъ, усталости и скуки повседневной рутинны

солдатской жизни. Онъ крѣпко держался интересовъ своей батареи и всѣхъ людей раздѣлялъ на двѣ категории: солдатъ и вольныхъ. По отношенію первыхъ онъ соблюдалъ по возможности всѣ требованія солдатской этики, но съ вольными, особенно, съ туземцами, позволялъ себѣ всевозможныя гадости, доходя до крайняго предѣла. Его неукротимая энергія и беззаботное легкомысліе никакъ не мирились со строгимъ режимомъ военной службы, и ни мѣрами строгости, ни кровостостью нельзя было добиться отъ него исправнаго поведенія. Товарищи его любили за неподдѣльную веселость и врожденный юморъ.

Теперь онъ, приведенный фельдфебелемъ, стоялъ передъ командиромъ батареи, опустивъ глаза, и смотрѣлъ куда-то въ бокъ, избѣгая взглядовъ начальника

Англійскіе дредноуты въ Дарданелахъ.

Стычка германских уланъ съ английскими авиаторами, вынужденными спуститься изъ-за порчи аппарата.

нетъ,—думалъ онъ и хотѣлъ открыть глаза. Но въ это время, еще сквозь закрытыя вѣки, онъ увидалъ красный огонь, и съ страшнымъ трескомъ что-то толкнуло его въ середину груди; онъ вскочилъ, побѣжалъ куда-то, споткнулся на какую-то саблю и упалъ на бокъ.

«Слава Богу! я только контуженъ», подумалъ онъ, и онъ хотѣлъ руками дотронуться до груди; но руки его казались привязанными, и какіе-то тиски сдавили голову. Онъ хотѣлъ крикнуть, что онъ контуженъ, но ротъ былъ такъ сухъ, что языкъ прилипъ къ небу. Ему страшно хотѣлось пить. Онъ чувствовалъ, какъ мокро у него около груди: «Вѣрно я въ кровь разбился, какъ упалъ», подумалъ онъ. Ему становилось все страшнѣе, онъ собралъ всѣ свои силы и хотѣлъ закричать: «Возьмите меня!» Но вмѣсто этого застоналъ такъ ужасно, что ему страшно стало слушать себя. Онъ сдѣлалъ усилие, вытянулся и уже больше не видѣлъ, не слышалъ, не думалъ и не понималъ. Онъ былъ убитъ на мѣстѣ не думалъ, въ середину груди.

Михайловъ, увидавъ бомбу, упалъ на землю и такъ же, какъ Праскухинъ, много передумалъ и припомнилъ въ эти двѣ секунды пока бомба лежала неразорванной. Онъ мысленно молился Богу и все твердилъ: «Да будетъ воля Твоя! Все кончено: убить», думалъ онъ, когда бомбу разорвало, и онъ почувствовалъ ударъ въ голову и сильную боль. «Господи! прости мои согрѣшенія», проговорилъ онъ, всплеснулъ руками, приподнялся и упалъ на землю.

Когда онъ очнулся, онъ почувствовалъ боль въ головѣ и кровь на лбу и на носу. «Это душа отходитъ», подумалъ онъ. — «Что будетъ тамъ? Господи! прими духъ мой съ миромъ. Только одно странно», раздумывалъ онъ: «какъ же это я — умираю, а слышу шаги солдатъ и выстрѣлы».

— Давай носилки... эй... ротнаго убило! — крикнулъ надъ его головой голосъ, который онъ узналъ. Это говорилъ барабанщикъ Игнатъевъ.

Кто-то взялъ его за плечи. Онъ открылъ глаза и увидалъ надъ головой темно-синее небо, звѣзды и двѣ бомбы, которые летѣли надъ нимъ, догоняя одна дру-

гую, — увидалъ Игнатъева, солдатъ съ носилками и ружьями, валь траншеи и вдругъ повѣрилъ, что онъ еще не на томъ свѣтѣ.

Онъ былъ легко раненъ въ голову. Барабанщикъ платкомъ завязалъ голову своему командиру и, взявъ его подъ руку, повелъ къ перевязочному мѣсту...

ФЛЯЖКА. II (1700 г.).

(Изъ эпохи войнъ Карла XII го).

На лужкѣ, въ виду господскаго дома, двѣ маленькія дѣвочки собирали въ плетенку вѣтви можжевельника; возлѣ нихъ на камнѣ сидѣлъ ихъ братъ, Аксель-Фредерикъ, 20-лѣтній молодой человекъ, вялый и апатичный; Ульрика, его невѣста, срѣзала вѣтви можжевельника, и онѣ падали въ корзину, которую подставляли маленькія сестры. Съ голубого неба свѣтило неяркое весеннее солнце; рыхлый снѣгъ таялъ подъ его лучами.

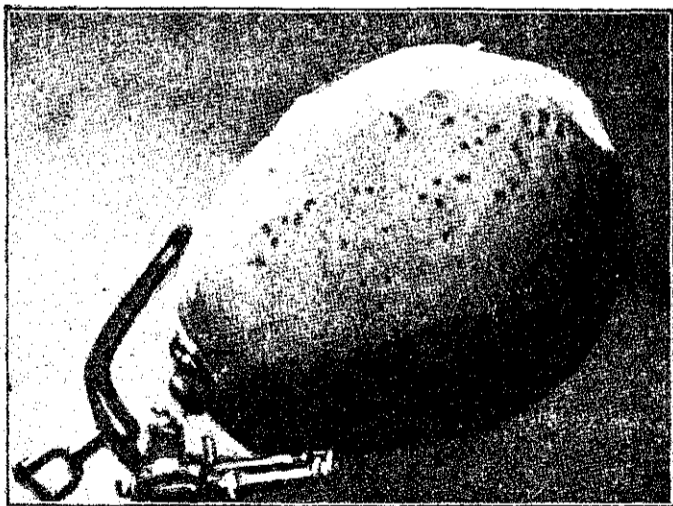
На крыльцо дома вышелъ старикъ въ сѣромъ камзолѣ съ металлическими пуговицами. Замѣтивъ его, обѣ дѣвочки и Ульрика поспѣшили къ нему, неся полную корзину можжевельника. Старикъ поцѣловалъ ихъ всѣхъ и съ любовью остановилъ свой взоръ на Ульрикѣ.

— Ты будешь драгоценной помощницей для Акселя, у котораго не осталось никого, кромѣ стараго дѣда и тетокъ, — сказалъ онъ ей. А мы, нужно сознаться, порядкомъ избаловали его. Онъ такого нѣжнаго здоровья!

— Поблагодаримъ Бога за этотъ чудный весенній день и за эти годы мира, которые Онъ намъ послалъ.

Старикъ замолчалъ и сталъ смотрѣть вдаль на дорогу. Вдругъ онъ замѣтилъ всадника, который приближался прямо къ дому.

Всѣ заволновались: письма такъ рѣдко доходили въ этотъ тихій уголокъ. Обѣ тетки выбѣжали изъ кухни. Между тѣмъ всадникъ подѣхалъ къ крыльцу и передалъ дѣду запечатанный пакетъ. Руки дрожали у старика, и онъ не сразу могъ сорвать печать. Всѣ тѣснымъ кольцомъ окружили его и хотѣли скорѣе узнать, что было въ письмѣ. Ульрика подбѣжала сзади и, перегнувшись черезъ плечо дѣда, быстро прочла пер-

Германскія мины въ Дарданеллахъ.

шемъ. Вдругъ всё бросились къ нему, окруживъ его. Съ одной стороны послышался говоръ, шумъ, одобренія и восклицанія, всё что-то другъ другу говорили, махали руками, помахивали на вину. Командиръ батареи волновался и горячился больше всѣхъ. Онъ обнялъ Юрченка и кажется предлагалъ ему деньги, но тотъ упорно отказывался и говорилъ:

— Я долженъ быть, потому мой ящикъ!

Вскорѣ все пришло въ обычный порядокъ, и стрѣльба продолжалась съ тѣмъ же одушевленіемъ, только Юрченко, герой дня, потерялъ всгдашнюю веселость и былъ до крайности сосредоточенъ, особенно дѣловито и серьезно исполняя свои обязанности. Къ вечеру бой затихъ, и батарея при общемъ наступленіи перемѣнила позицію, оставшись бивакировать на полѣ сраженія.

Нѣжная, теплая южная ночь спустилась на землю. Милліоны звѣздъ засверкали въ бархатно-синемъ небѣ. Въ воздухѣ тихо, только изрѣдка раздается надъ батареей богатырскій храпъ какого-нибудь солдата, измаявшагося за день, да тихій шелестъ сѣна, пережевываемаго лошадьми.

Офицерство, подъ предсѣдательствомъ командира батареи, закусываетъ на травѣ, при свѣтѣ фонаря...

Нѣсколько впереди батареи собралась кучка солдатъ, и тамъ слышится рѣзкій голосъ снова повеселѣвшаго Юрченка, покрываемый раскатистымъ хохотомъ.

Полковникъ насторожилъ уши.

— Что тутъ такое, ты опять куда бѣгалъ?—спросилъ онъ, подходя съ развалкой къ кучкѣ солдатъ и обращаясь къ Юрченку...

Тотъ, оказалось, успѣлъ снова накуролеситься... Отъ него сильно пахло водкой.

— Тыфу, проклятый! ты опять за свое, сталъ бранить его полковникъ, но, не договоривъ, повернулся и отошелъ...

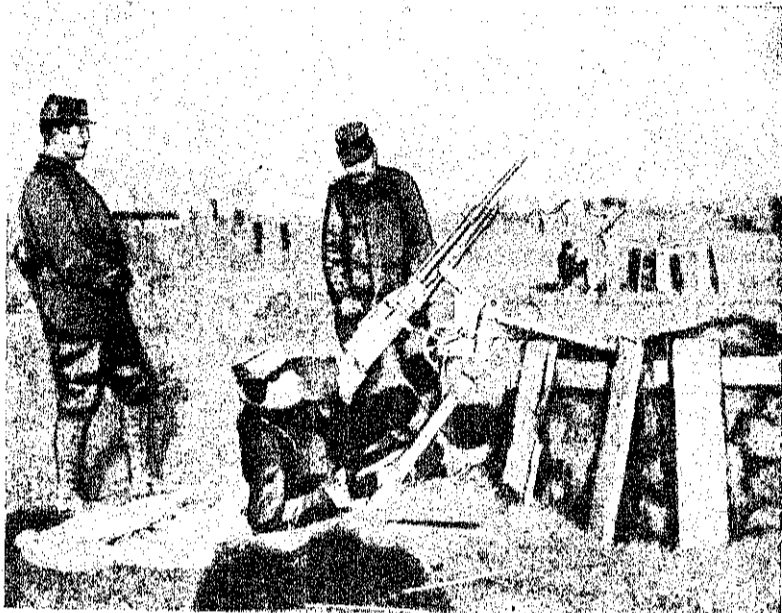
— Арестантъ, какъ есть арестантъ, — заворчалъ подошедшій фельдфебель, — три часа былъ какъ слѣдуетъ, а теперь опять за свое! Пропавшій человекъ и больше ничего!

Полковникъ вернулся и снова подсѣлъ къ закускѣ...

А вдали снова послышался голосъ Юрченка, и одобрительныя восклицанія его остроумію: «Ахъ, чортъ! Ахъ, волкъ ты заѣшь!» сопровождаемая здоровымъ солдатскимъ хохотомъ...

«Пропавшій человекъ» веселилъ всю компанію...

В. М.

Французскіе пулеметчики обстрѣливаютъ германскихъ «Таубе».

Русскій офицеръ умираетъ.

(Эпизодъ изъ русско-японской войны).

Бой подъ Тюренченомъ принималъ все болѣе и болѣе горячій характеръ, съ каждой новой минутой разгорался, переходя въ жестокое, безплощадное истребленіе другъ другомъ двухъ сошедшихся враговъ.

Здѣсь столкнулись и вступили въ ожесточенную борьбу довольно значительный отрядъ русскихъ войскъ и японцы, силою, по крайней мѣрѣ, въ 5—6 разъ болѣе, чѣмъ ихъ противникъ.

Много потерь уже понесъ русскій отрядъ, но еще болѣе потеряли японцы, изъ среды которыхъ выбыло убитыми и ранеными, пожалуй, въ десять разъ болѣе, чѣмъ изъ числа русскихъ.

Тѣмъ не менѣе японцы продолжали энергически наступать на противника, пользуясь громаднымъ численнымъ превосходствомъ своихъ силъ.

Особенно тяжело приходилось русской батарее, командуемой полковникомъ Муравскимъ.

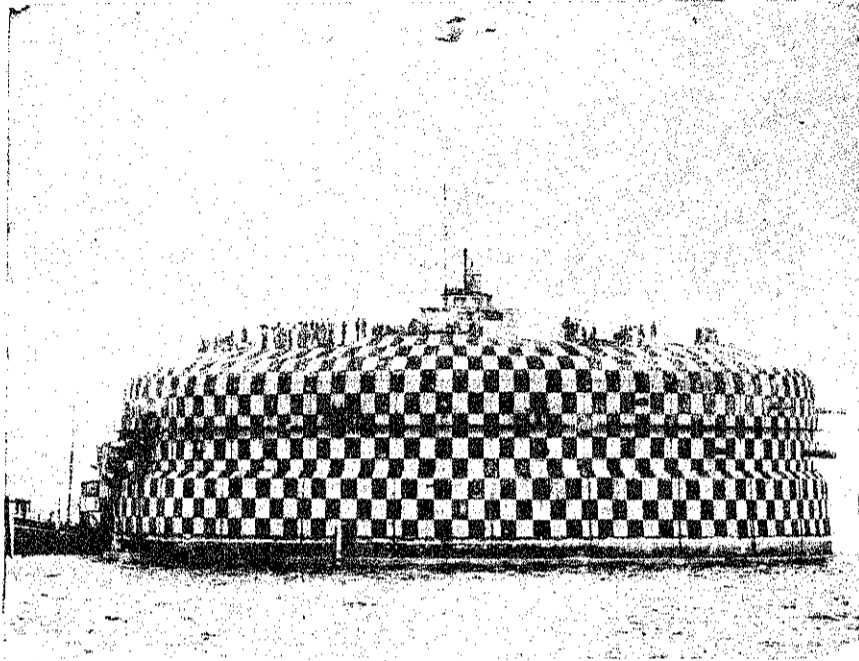
Бравый полковникъ, выдвинувъ въ пылу битвы свою батарею поближе ко врагу, началъ осыпать его истребительными снарядами.

Смерть неслась вихремъ съ батареи, ни на минуту не умолкавшей, неслась на все новыя части вражескихъ войскъ, пытавшихся заставить батарею уйти съ занятой ею позиціи.

Но ничто не помогало: батарея все оставалась на прежнемъ мѣстѣ, продолжая свое истребительное дѣло.

Англійскій коммерческій пароходъ, вооруженный специальной пушкой, разстрѣливаетъ германскій дирижабль, напавшій на него въ открытомъ морѣ.

Пловучая блиндированная крепость, последнее итальянское изобретение. Эта крепость в случае войны будет защищать Венецию от австрийских авиаторов.

Но вот на правомъ и лѣвомъ флангахъ ея показались густыя толпы японцевъ, открывшихъ по ней жестокою стрѣльбу.

Люди одинъ за другимъ падали, поражаемые вражескими пулями.

Командиръ увидалъ необходимость отступить хотя бы для того, чтобы укрыть людей отъ столь частыхъ выстрѣловъ; но куда отступить?

Прямо — густыя толпы враговъ, за нѣсколько минутъ передъ этимъ буквально разстрѣливаемыхъ лихой батареей; справа и слѣва все набѣгаютъ враги и все близятся къ русскимъ.

Назадъ?

Но тутъ такая неровная мѣстность, вся испещренная высокими кручами и глубокими оврагами, что батарея не проѣхать.

— Съ Богомъ, ребята! — вдругъ воскликнулъ полковникъ Муравскій. — Отступимъ, займемъ новую позицію и оттуда зададимъ имъ трепку.

Гораздо быстрѣе, чѣмъ на какихъ бы то ни было смотрахъ, всѣ были на своихъ мѣстахъ, и батарея двинулась назадъ; но недолго отступала она: неровность почвы заставила ее остановиться; лошади не взяли на кручу.

Что оставалось дѣлать?

Нашлось бы не мало людей, но только не русскихъ людей, которые начали бы искать спасенія въ бѣгствѣ.

Оставивъ орудія съ лошадьми, они бросились бы бѣжать дальше и, можетъ быть, многимъ удалось бы спастись.

Но русский солдатъ не знаетъ постыднаго бѣгства.

— Стой! — раздалась вдругъ команда полковника Муравскаго. —

Зададимъ имъ баню! Дорого продадимъ себя! Ребята, за Царя, за Русь святую!..

Не успѣлъ бравый командиръ докончить обращеніе къ своимъ солдатамъ, какъ всѣ орудія остановились, орудія были сняты съ передковъ, и по наступавшимъ японцамъ открылась такая пальба, какой они, вѣроятно, и не ожидали.

Полковникъ самъ заряжалъ орудія и стрѣлялъ, когда прислуга валилась съ ногъ подъ непріятельскими выстрѣлами.

Но вотъ снаряды всѣ вышли.

Полковникъ сталъ выхватывать замки изъ орудій и разбивать ихъ о камни.

— Ваше высокоблагородіе, — кинулось нѣсколько оставшихся въ живыхъ солдатъ къ своему командиру. — Пойдемте!.. Спасайтесь! — умоляли они его.

— Спасайтесь сами, ребята! — отвѣчалъ командиръ. — Съ Богомъ! Вы все сдѣлали, что можно, а я останусь здѣсь, вмѣстѣ съ этими... — И онъ развелъ руками, какъ бы указывая на лежащихъ вокругъ солдатъ.

— Мнѣ некуда итти, батареи моей больше нѣтъ. Куда же я пойду? Я ужъ останусь тутъ. — И изъ глазъ его брызнули слезы. — Идите! — закончилъ полковникъ и вдругъ упалъ.

Непріятельская пуля поразила его въ грудь, прекративъ навсегда жизнь этого мужественнаго чловека.

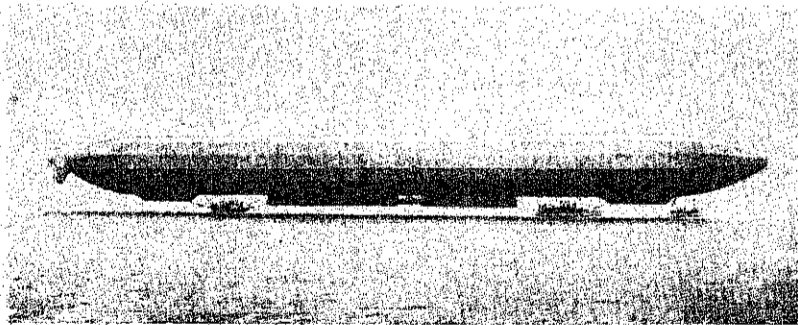
Нѣсколько оставшихся въ живыхъ солдатъ перекрестились и, схвативъ трупъ своего бывшаго командира, бросились уходить отъ спѣшившаго со всѣхъ сторонъ врага.

ТЫСЯЧА ЛѢТЪ.

Когда шель вопросъ о назначеніи Наполеона командиромъ итальянской арміи, то всѣхъ останавливала его молодость:

— Вы слишкомъ молоды, говорили ему.

— Слишкомъ молодъ! — вскричалъ онъ. — Слишкомъ молодъ! Но черезъ шесть мѣсяцевъ я возьму Миланъ (j'aurai mille ans, то есть, мнѣ будетъ тысяча лѣтъ).

Самый крупный изъ германскихъ «цеппелиновъ».

КАРАМЕЛЬКА.

Разсказъ Александра Рославлева.

.. Сначала, весело лая, мелькнулъ бѣлый на желтомъ пескѣ шпигъ, а слѣдомъ за нимъ показался полковникъ.

Какъ всегда, медленно и грузно поднялся онъ по лѣстницѣ, поздоровался, благодушно улыбаясь, и, плотно сѣвъ въ свое любимое кресло въ углу террасы, помахалъ на себя фуражкой.

— Война, Маврикій Николаевичъ, — сейчасъ же началъ кто-то изъ насъ, обращаясь къ нему.

До этого мы только что прочитали газеты и горячо обсуждали столь быстро и грозно надвинувшіяся событія.

— Надо было ждать, — къ тому шло.

Спокойствіе, съ которымъ это было сказано, еще разъ показало, что полковника ничѣмъ не удивишь и недаромъ такъ бѣлы его лихіе усы.

— Типичная тупая нѣмецкая заносчивость.

— А мнѣ такъ кажется, что Вильгельмъ, конечно, свое сдѣлалъ, но рано или поздно—идея милитаризма и идея мира все равно должны были бы столкнуться. Это—война противъ войны.

Нѣсколько минутъ полковникъ слушалъ насъ не то безразлично, не то разсѣянно и вдругъ, серьезно замѣтилъ:

— Нашъ солдатъ—это имъ не шутки. Я вамъ про карамельку разсказываю?

Разсказовъ у полковника было безъ конца, едва ли не на всякій случай жизни. Разсказывалъ же онъ интересно. Про карамельку мы не слышали и просили разсказать.

I.

— Такъ вотъ,—началъ полковникъ, вставляя въ янтарный мундштукъ папиросу,—былъ у меня въ шестой ротѣ унтеръ Зубковъ. Здоровъ, какъ оглобля, первый въ полку стрѣлокъ и во всѣхъ отношеніяхъ малый отличный. Но попался онъ мнѣ разъ пьяный и нагрубилъ, а у меня тогда были разныя неприятности и золь я былъ до черта; ну погорячился и изругалъ его на всѣ корки. Потомъ, на другой день прямо препаскудно себя чувствовалъ, но у меня всегда такъ: я на половинѣ никогда не останавливаюсь, а это сразу не дается—начинается разная дрянь.

Самое простое было попросить прощенія, и конецъ, и я это прекрасно сознавалъ, но одно дѣло сознавать, а другое—рѣшиться. Такъ вотъ рѣшиться-то на это я никакъ и не могъ и началъ себя доказывать, что все это—ерунда, что я разнѣжничался, а если по-настоящему разобратъ, то я правъ. И довелъ я себя до того, что сталъ къ этому Зубкову по всякому поводу придирается. Ну, конечно, чѣмъ я больше придирался, тѣмъ мерзѣ себя чувствовалъ, а онъ только блѣднѣлъ, когда меня видѣлъ, и такъ на меня смотрѣлъ, точно не я предъ нимъ, а пустое мѣсто.

Такъ это у насъ тянулось до объявленія войны, а когда полкъ выступилъ,—такая началась торопешка, что голова пошла кругомъ и ужъ не до Зубкова было.

Какъ мы воевали, это разсказывать долго и суть не въ этомъ, но только

К. Вещиловъ. Начало конца.

подъ Ляояномъ меня ранили, и когда послѣ потери сознания я очнулся, то оказался въ фанзѣ, гдѣ кромѣ меня были двое убитыхъ японцевъ и этотъ Зубковъ. Раненъ я былъ сравнительно легко—въ руку, но потерялъ много крови и ослабъ.

Ясное дѣло—первымъ моимъ вопросомъ было, гдѣ я нахожусь и гдѣ наши. Оказалось, до перевязочнаго пункта добраться было невозможно, и Зубковъ приволокъ меня въ оставленную китайцами деревушку. Не помню, какъ ее, кажется—Фанъ-Дя-Тунъ...

Гдѣ-то все время были слышны выстрѣлы; они то удалялись, то приближались. Подъ вечеръ совсѣмъ близко отъ фанзы проскакало четверо японскихъ развѣдчиковъ. Мы ждали, что они вернутся, поэтому Зубковъ могъ выйти лишь поздно ночью. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ его и прислушивался. У меня даже мелькала мысль, что онъ оставитъ меня и уйдетъ. Но часа черезъ полтора онъ вернулся и принесъ фляжку съ водою, а ѣсть ничего не досталъ.

Разсказалъ, что подходилъ совсѣмъ близко къ японскимъ окопамъ и слышалъ голоса.

Вода меня нѣсколько оживила, но сразу же я ощутилъ сильный голодъ. Начиная свѣтать, Зубковъ хотѣлъ пойти разузнать въ другую сторону, но я не позволилъ, опасаясь, что его могутъ замѣтить.

II.

Второй день начался съ того, что отъ японцевъ потянуло трупнымъ запахомъ. Я сказалъ объ этомъ Зубкову.

Обоняніе у него было видимо не такъ развито, и онъ сначала обстоятельно принюхался. Часа черезъ три, когда припекло солнце, въ фанзѣ стало такъ смердѣть, что мы позажимали носы. Ёсть хотѣлось дьявольски. Я старался не думать, заснуть, но ничего изъ этого не выходило. Только должно быть, отъ слабости, у меня слегка кружилась голова.

БЕЛЬГИЙСКІЕ ГЕРОИ.

Бельгійскій рабочій-шахтеръ.

В. Сюливанъ. Тревожный моментъ. (Вагерао, 18 июня 1815 г.).

Вторая ночь не принесла намъ ничего утѣшительнаго. Даже и воды не удалось достать. Только Зубковъ группы наружу вынесъ. Стало ясно, что намъ грозитъ голодная смерть. Миновать японцевъ мы никакъ не могли—положительно со всѣхъ сторонъ были ихъ окопы. Я сталъ терять надежду, но Зубковъ чувствовалъ себя довольно бодро, или, можетъ быть, это онъ лишь показывалъ. Цѣлый день солнце, полное безвѣтріе, и вдали выстрѣлы. Я рѣшилъ, что если голодъ доведетъ меня до послѣдней крайности, то я съ собою покончу.

Отношеніе къ мнѣ Зубкова меня изумляло. Послѣ того, что онъ отъ меня натерѣлся, его заботливость волновала меня до слезъ. Я держался съ нимъ, какъ и раньше, но, чѣмъ дальше шло, гѣмъ становилось яснѣе, что мы—въ одинаковой степени люди и то, что отличало насъ раньше, въ обычной жизни, теперь безсѣдно стиралось: лежали два голодные, умирающие человѣка, и только.

На третьи сутки я впалъ въ продолжительное забытіе. Это было что-то среднее между сномъ и бредомъ. Я что-то ѣлъ удивительно вкусное и никакъ не могъ насытиться. Когда сознание вернулось, то Зубковъ въ фанзѣ не было. Куда онъ могъ выйти днемъ? Это меня удивило, и, насколько мнѣ позволяло мое изнуренное гѣло, я поползъ къ двери. Выглянулъ наружу—поблизости его не было видно. Мысль, что я остался одинъ, ужаснула меня. Съ Зубковымъ исчезла всякая надежда какъ-нибудь полатъ вѣсть своимъ.

Съ часъ или болѣе лежалъ я у двери и глядѣлъ въ даль, гдѣ слыбла оглобли, тихая сонка. Зубковъ вернулся. Оказалось, онъ пробрался въ самую послѣднюю фанзу, гдѣ кричала какая-то

Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ. Маркитантку, замѣченную въ продажѣ недоброкачественныхъ припасовъ, везутъ обнаженную на ослѣ по городу.

итница, и думалъ подстрѣлить ее, но она улетѣла.

— Что-жъ намъ, — говорю, — теперь дѣлать, Зубковъ?

— Не могу знать, ваше высокоблагородіе,—а у самого слезы на глазахъ.

— Помирать будемъ?

— Такъ точно.

— А въ вѣнъ сдаться не хочешь?

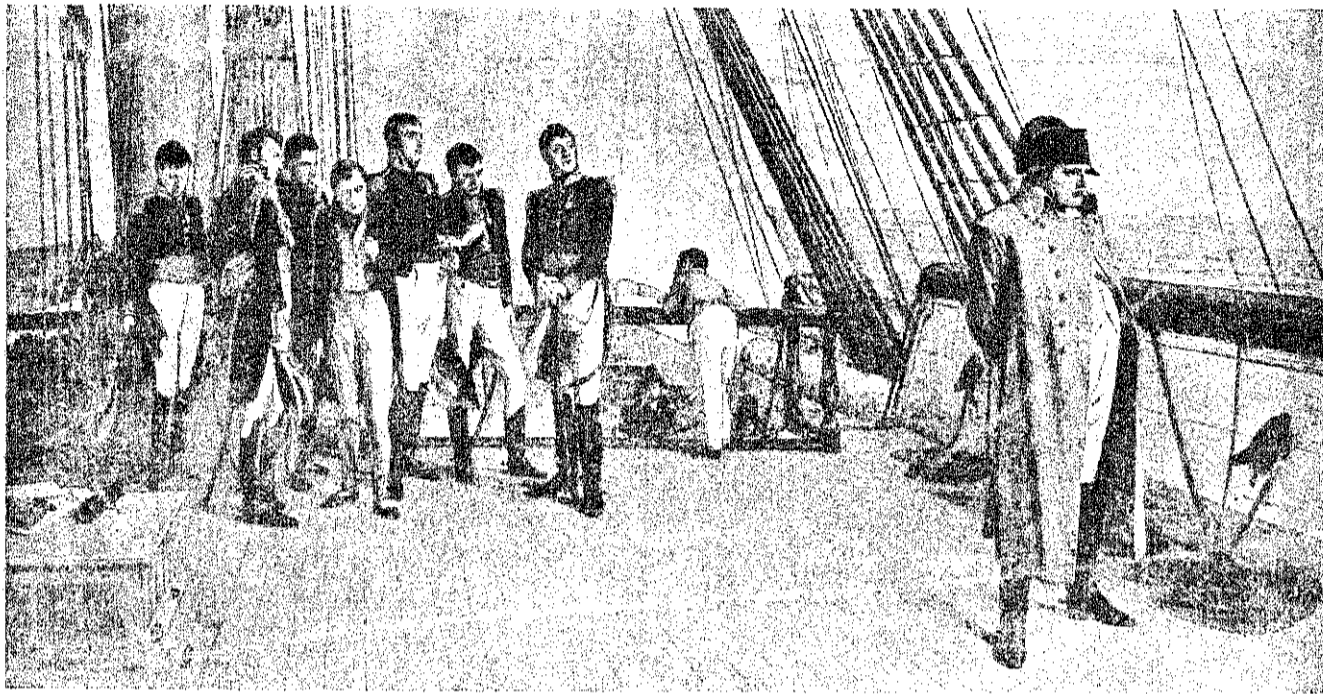
— Упаси богъ, ваше высокоблагородіе!—и весь въ лихость пришелъ.

III.

Опять надо было ждать ночи. Лицо у Зубкова осунулось, похудѣло. Дня два онъ еще могъ про тержаться на ногахъ, а дальше положене представлялось совершенно безвыходнымъ. Послѣ четвертой ночи, когда Зубковъ, какъ подкошенный, повалился на землю, я понялъ, что все кончено и надо исполнить свое рѣшеніе. Я опредѣлилъ срокъ—до захода солнца.

«Если — думалъ я,—до этого времени не будетъ никакихъ перемѣнъ, то дуло въ ротъ и багга».

Муки голода, господо, ни съ чѣмъ несравнимы. Вы чувствуете, какъ съ каждымъ часомъ звѣрѣете и все ваше человѣческое «я» — просто чепуха. Кусокъ хлѣба кажется вамъ самымъ прекраснымъ и главнымъ, что есть въ жизни. Изъ-за него вы готовы на что угодно. Воля слабѣетъ и вашъ мозгъ рисуетъ самые фантастическіе планы. Кто разъ голодалъ, тотъ навсегда запомнитъ, что человѣкъ въ самой серединѣ своей—животное, и животное скверное. Зуб-

В. Орчардсон. Наполеонъ на «Белерофонъ».

ковъ былъ выносливѣе меня и страдалъ меньше.

— А японцы?

— Тутъ, ваше высокоблагородіе, ружейной подачь.

— Значитъ отъ полка мы отрѣзаны?

— Такъ точно.

Я приказалъ Зубкову разсказать о подробностяхъ боя и о томъ, какъ ему удалось добраться до деревни. Произшло это, оказывается, такъ.

Зубковъ видѣлъ, какъ подошли подо мною лошади, и когда сбѣжалъ мимо меня, то подумалъ сначала, что я тоже убитъ; но онъ застылъ, и онъ остановился. Въ это время его сшибли съ ногъ, и онъ упалъ на меня. Насъ рѣшили такимъ пулеметнымъ огнемъ, что валандаться было некогда, а Зубковъ рѣшилъ меня пообирать и естественно—забѣжалъ, видя, что отсталъ—одинъ на прицѣлѣ, смекнулъ, что стоять дуракомъ нечего, и легъ рядомъ. Пролетѣлъ онъ часа полтора, пока японцы не отошли, и поползъ, сдѣлать развѣдку, вернулся за мной и на Божій страхъ понесъ меня въ деревню.

Когда онъ мнѣ это разсказывалъ, я какъ-то совсѣмъ забылъ о томъ, что это — Зубковъ, тотъ самый Зубковъ, надъ которымъ я еще недавно показывалъ свою власть. Мнѣ не пришло тогда въ голову, что онъ могъ поступить иначе, и я отнесся къ его разсказу довольно равнодушно. Меня въ тѣ минуты больше всего занимала моя рана.

Перевязка, которую онъ мнѣ сдѣлалъ, была насквозь, въ крови, и я чувствовалъ жгучую боль.

— Это ты чѣмъ, — спрашиваю, — перевязалъ? — и размагиваю какія-то тряпки.

— Рубаху, ваше высокоблагородіе, съ японца снялъ.

Пуля прошла навывертъ.

Положеніе наше было скверное. Показаться изъ фанзы — значило быть на вѣрняка убитымъ. Слѣдовательно надо

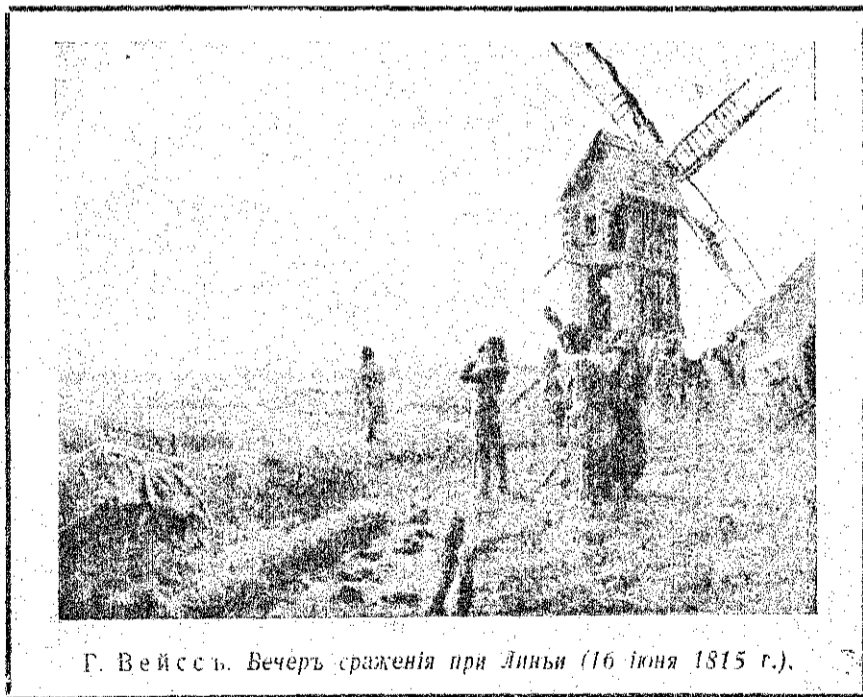
было ждать и по ночамъ смотрѣть, ушли японцы или нѣтъ.

Сразу же, конечно, явился вопросъ: что мы будемъ ѣсть. Въ сосѣднихъ фанзахъ, какъ и въ нашей, естественно ничего не было, кромѣ труповъ. Что могли, китайцы уносили съ собою, а послѣ нихъ наши и японцы шарили.

Зубковъ, должно быть, считалъ, что рядомъ со мною ему, какъ нижнему чину, находится не полагается, и ушелъ въ другой уголокъ. Надо было что-нибудь предпринять, и я велѣлъ обыскать японцевъ. При нихъ были деньги и какія-то письма, и только. Въ саженьяхъ двух-

стахъ отъ фанзы, было видно, лежали еще убитые, но мы ихъ оставили на ночь, а пока каждый легъ въ своемъ углу. О томъ, чтобы сдаться въ плѣнъ не могло быть и рѣчи: я не хотѣлъ показать свою слабость предъ Зубковымъ, а онъ — ясное дѣло — и заикнуться объ этомъ не могъ. Такъ мы и лежали, гадая каждый про себя, что будетъ съ нами дальше. Я часто задремывалъ, и это меня нѣсколько успокаивало.

Во многихъ мѣстахъ стѣны были продырявлены пулями, а крыша пробита снарядами, и въ пробонну сиялъ голубой кусокъ неба.

Г. Вейссъ. Вечеръ сраженія при Линьи (16 июня 1815 г.).

ИЗЪ СЕРИИ РЪДКИХЪ РИСУНКОВЪ 1812 ГОДА.

Бивуакъ подъ Валутиной-горой 10 августа 1812 года.

Японцы лежали: одинъ — ничкомъ, другой — навзничъ. У того, который навзничъ, лицо было молодое, безусое и на него такъ падалъ свѣтъ, что казалось, будто онъ улыбался. На войнѣ какъ-то почти не отличаешь живыхъ отъ мертвыхъ и то, что рядомъ со мною были трупы, не производило на меня никакого впечатлѣнія. Когда я переводилъ взглядъ на Зубкова, онъ сейчасъ же вскакивалъ, готовый исполнить, что я потребую, но я махалъ рукою и онъ успокаивался.

Чтобы хоть какъ-нибудь перемочь себя, я до крови закусывалъ губу, но боль лишь обезсиливала на мгновение все тѣло, а потомъ начиналась та же пытка. Трудно было понять, чего сильнѣе хочется: ѣсть или пить. Я пробовалъ сосать ремешекъ съ брюкъ, но слюны было мало. Однако это все-таки нѣсколько облегчило. То я впадалъ въ забытѣ, то опять возвращался къ жизни.

Солнце уже заходило за сопку, когда я началъ готовиться къ смерти. Что я тогда думалъ, — право, затрудняюсь сказать. Вспоминалъ Петроградъ, родныхъ, но очень безпорядочно и смутно. Являлись самыя неожиданныя и нелѣпыя мысли. Хотѣлось, напримѣръ, увидѣть себя мертвымъ. Вообще я уже находился въ полубреду и потому, когда Зубковъ сказалъ мнѣ что-то, я его сразу не понималъ; видѣлъ только, что онъ двигаетъ челюстями и какъ-то странно втягиваетъ щеки.

— Что тебѣ? — спрашиваю.

— Не побрезгуйте, ваше высокоблагородіе! — и вынулъ изъ рта леденецъ.

Я думалъ, что это въ бреду.

— Откуда ты взялъ?

— Въ шинели нашель, какъ еще съ Петрограда ѣхавши, такъ и осталась.

Надо ли говорить, что я не побрезговалъ? Карамелька была лимонная, и отъ ея пріятной кислотцы сразу стало легче. Я сосалъ съ непередаваемымъ наслажденіемъ. Ничего не могло быть лучше этого леденца. Пососавъ я отдалъ Зубкову, а потомъ онъ опять мнѣ. Я чувствовалъ, что въ эту минуту онъ — мнѣ самый близкій, самый родной человекъ.

Карамелька насъ спасла. Ночью наши взяли часть японскихъ позицій, и деревня перешла въ наши руки.

Съ тѣхъ поръ и Зубковъ, и эту карамельку я такъ помню, точно все это было еще вчера. Вотъ вамъ нашъ солдатъ. Какое гром-дное братолюбіе! Съ такими можно и въ огонь, и въ воду: не продадутъ и не выдадутъ и умѣютъ забыть обиду. А вы говорите — нѣмцы! Пусть-ка попробуютъ.

Про нѣмцевъ мы ничего не говорили, и полковникъ это сказалъ такъ, для большаго отпѣнка.

Мы чувствовали, что его рассказы правдивы отъ начала до конца, и это укрѣпило насъ въ мысли, что сила всегда на той сторонѣ, гдѣ жертва и правда.

Александръ Рославль.

Жерико. Офицеръ егерей

Изъ казачьей страны.

Отвѣтъ запорожцевъ.

Положеніе Малороссіи между владѣніями русскими, польскими и татарско-турецкими дѣлало ее яблокомъ раздора между сосѣдями; въ самой странѣ, послѣ смерти Богдана Хмельницкаго, сблизившагося съ Москвою, царили неурядицы и смуты, возникшія вслѣдствіе совершенной неспособности къ управленію молодого Юрія Хмельницкаго, унаследовавшаго отъ отца гетмановскую булаву, но не имѣвшаго его выдающихся способностей, ума и энергій.

Число сторонниковъ сліянія съ московскимъ царствомъ было очень велико, и центромъ этого теченія являлась Запорожская сѣчь, очень мало склонная похотѣть на многообѣщавшія предложенія малороссійскихъ гетмановъ перейти на сторону враговъ Москвы. Противъ такого упорства, затруднявшаго осуществленіе таившихся у гетмановъ гшеславныхъ замысловъ, приходилось принимать особенныя мѣры. Одной изъ такихъ мѣръ бывало подговариванье гетманами крымскихъ татаръ сдѣлать набѣгъ на сѣчь и разорить это «разбойничье» гнѣздо.

Въ концѣ семнадцатаго вѣка, кошевымъ атаманомъ на сѣчи былъ Иванъ Сѣрко, человекъ умный, отважный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и своими заслугами родному казачеству вполне этого достойный.

Удачными набѣгами на татарскія владѣнія запорожцы въ конецъ досадили своимъ мусульманскимъ сосѣдямъ и вывели изъ терпѣнія турецкаго султана (Магомета IV), который, подвліяніемъ тайныхъ навѣтговъ малороссійскаго гетмана, стремился совершенно уничтожить сѣчь и стереть самое существованіе ея съ лица земли.

По нѣкоторымъ историческимъ даннымъ можно предположить, что турецкій султанъ надѣялся на мирный исходъ и что онъ посылалъ запорожцамъ увѣщанья добровольно смириться и подчиниться ему. Въ «очеркахъ исторіи запорожскихъ казаковъ» Д. Эварницкаго помѣщенъ любопытный текстъ одного турецкаго посланія къ запорожскимъ казакамъ и ихъ отвѣта.

«Я, султанъ, сынъ Магомета, братъ солнца и луны, внукъ и намѣстникъ Божій, владѣлецъ царства македонскаго, вавилонскаго, іерусалимскаго, Великаго и Малаго Египта, царь надъ царями, властелинъ надъ властелинами, необыкновенный рыцарь, никѣмъ непобѣдимый, неотступный хранитель гроба Иисуса Христа, попечитель самого Бога, надежда и утѣшеніе мусульманъ, смущеніе и великій защитникъ христіанъ, — повелѣваю вамъ, запорожскіе казаки, сдатьса мнѣ добровольно и безъ всякаго сопротивленія, и меня вашими нападками не заставляя безпокоить. Султанъ турецкій Махмудъ IV».

Слово за слово отвѣчали на это казаки.

Собравшись на общій совѣтъ, куренные атаманы и почтеннѣйшія лица войска, дружными усиліями сочинили отвѣтъ.

Въ немъ нельзя найти изысканныхъ дипломатическихъ выраженій, онъ по-

донъ злой насмѣшки надъ чваннымъ врагомъ, большія силы котораго не пугали небольшой горсти храбрецовъ; перебивая другъ друга, при общемъ смѣхѣ надъ удачнымъ словцомъ, подсказывали они медленно выволившему буквы писарю отвѣтъ султану, и изъ подъ пера писаря вышло посланіе, приведшее султана въ необычную ярость.

«Запорожскіе казаки турецкому султану. Ты шайтанъ (чортъ) турецкій, проклятаго чорта братъ и товарищъ и самага люципера секретарь! Якій ты въ чорта лыщарь? Чортъ выкидае, а твое войско пожирае. Не будешь ты годенъ сынивъ хрестьянскихъ надъ собою мати (имѣть); твоего войска мы не боймось, землею и водою будемъ бытъца зъ тобою. Вавилонскій ты кухарь, македонскій колесникъ, іерусалимскій броварникъ (пшвоварь), александрійскій козалупъ, Великаго и Малаго Египта свинарь, армянска свиня, татарскій сагайдакъ (козелъ), каминецкій котъ, поломненскій злодіюка, самага дьявола внукъ, и всего свиту и пидсвиту блазень (глупецъ), а нашего Бога дурень, свиняча морда, кобыляча с.....а, ризничка собака, нехрешеной лобъ, хай бы взявъ тебѣ чортъ! Атакъ тоби казаки высказали, плюгавче (поганецъ)! Негоденъ еси матери вирныхъ хрестіанъ. Числа не знаемъ, бо календаря не маемъ, мисяць у неби, годъ у князи, а день такой у насъ, якъ и у васъ, поцилуй за те ось-куды насъ!..»

Подписалъ это оригинальное письмо «Кошевой атаманъ Иванъ Сѣрко за всимъ коштомъ запорожскимъ».

Изъ недавняго прошлаго КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

Гаремъ Султана Абдуль Гамида.

Жоржъ Дорисъ 25 лѣтъ тому назадъ такъ описалъ жизнь гаремныхъ затворницъ турецкаго султана Абдуль-Гамида и, между прочимъ, приводилъ ту мысль, что въ Турціи существованію гаремовъ, по крайней мѣрѣ, большихъ, грозитъ опасность въ виду экономическихъ условій страны, которыя дѣлаютъ непосильными расходы на содержаніе ихъ и поневолѣ должны повести къ моногаміи.

Конечно, это не могло относиться къ султану, гаремъ котораго представлялъ собой цвѣтникъ красавицъ, числомъ до трехсотъ.

По словамъ Дориса, самый большой контингентъ ихъ составляютъ черкешенки, затѣмъ сиріанки и румелійки, которыя обыкновенно еще въ дѣтствѣ приводятся въ гаремъ для должнаго подгодовленія ихъ въ одалиски.

Забота о пополненіи гарема Абдуль-Гамида лежитъ, главнымъ образомъ, на эсирджи-башни (начальникъ работъ) — Гуссейнъ-эфенди и на помощникъ его Эминъ-Хандмѣ, которые имѣютъ для этой цѣли въ своемъ распоряженіи цѣлый отрядъ специальныхъ агентовъ.

Наполеонъ на о-вѣ «Прекрасная Елена». Рѣдчайшій рисунокъ.

Кромѣ того, живой товаръ, нерѣдко поставляютъ услужливые наместники областей, скупающіе, а то и похищающіе, самыхъ красивыхъ дѣвушекъ по вѣрненнымъ имъ провинціямъ.

Усердными поставщицами служатъ и родственницы султана — его тетки и кумины, которыя, желая ему угодить, другъ передъ другомъ стараются высмотрѣть какую-нибудь красавицу. Однако Абдуль-Гамидъ, впавшій въ болѣзненную подозрительность, теперь не часто удостоиваетъ своихъ родственницъ принятіемъ ихъ подарка...

Попавъ въ гаремъ, каждая новая кандидатка въ фаворитки поступаетъ въ вѣдѣніе башни-кальфа (главная рабыня), которая, подѣ присмотромъ казначейши (газедаръ-уста) и верховнымъ руководствомъ Валиде — султанши (мать султана), приступаетъ къ ея воспитанію, которое длится обыкновенно два года.

Жерико. Раненный кирасиръ.

Съ этого времени дѣвушка должна проснуться со всѣмъ, что ей было дорого и близко, изгладить изъ своей памяти прошлое, забыть все, до своего прежняго имени включительно, и жить только одной мыслью, однимъ желаніемъ стать достойною предназначенной ей роли.

Опытная руководительница дѣятельно принимается за усовершенствованіе всѣхъ ея внѣшнихъ данныхъ.

Она ухаживаетъ за ея красотой, старается развить въ ней всю женскую прелесть, посвящаетъ ее въ тайны самаго изощреннаго кокетства, приучаетъ къ плавнымъ движеніямъ, красивымъ позамъ, выучиваетъ мелодичному пѣнію, поэтичному образному языку, нѣжнымъ переходамъ голоса — словомъ, всему, что можетъ явиться соблазнительнымъ на самый избалованный, капризный вкусъ.

Когда, наконецъ, красавица достигнетъ во всемъ этомъ совершенства, ей еще преподають, какъ она должна подавать султану туфли, наклонять передъ нимъ кувшинъ съ благовонной водой, подносить его любимые напитки; объясняютъ всѣ его привычки, капризы, слабости и въ концѣ концовъ подвергаютъ ее экзамену въ присутствіи Валиде — султанши, который является послѣдней санкціей ея познанія.

Послѣ этого она вступаетъ въ ряды трехсотъ товарокъ и должна покорно ждать, пока на ней остановится милостивый взглядъ владыки.

По закону, правовѣрный, какъ простолудинъ, такъ и самъ султанъ, можетъ имѣть только четырехъ законныхъ женъ, но кромѣ того ему дозволяется содержать любое количество рабынь, дѣти которыхъ, однако, пользуются

Битва амазонокъ съ греками. (Съ саркофага).

одинаковыми правами съ дѣтьми отъ законныхъ женъ.

Султанъ при этомъ соблюдаетъ изстаринный обычай и выбираетъ жену не среди дѣвушекъ знатныхъ семей, а изъ числа рабынь.

Абдуль-Гамидъ, впрочемъ, вовсе воздержался отъ заключенія брака, и первая четыре женщины, отъ которыхъ онъ имѣлъ дѣтей, не утверждены, какъ бы то слѣдовало, закономъ въ качествѣ женъ, хотя и пользуются всѣми подобающими послѣднимъ почестями.

Когда властелинъ удостоитъ обратить вниманія одну изъ своихъ безсловесныхъ рабынь, ее прозываютъ гездѣ затъмъ, какъ изложница его, она обращается въ икбаль (возведенная), и, наконецъ, если у нея родится ребенокъ, она становится кадиной, т. е. дамой, и получаетъ титулъ принцессы.

Но все-таки сла не считается женой и можетъ получить это званіе лишь по смерти одной изъ четырехъ женъ и то, если султанъ соизволитъ оказать ей это счастье. Можно было бы предположить, что число кадинокъ очень велико, точно такъ же, какъ и потомство султана.

Но на дѣлѣ это далеко не такъ.

Старья рабыни—кальфы—зорко слѣдятъ за избранницами султана и при первомъ же подозрѣніи принимаютъ рѣшительныя мѣры для сокращенія потомства, такъ что число дѣтей Абдуль-Гамида достигло всего тринадцати.

Само собой разумѣется, что несчастныя затворницы—по материнскому ли инстинкту или по честолюбію—въ свою очередь всячески стараются обмануть бдительность кальфы и все-таки попадаютъ въ кадины.

Такихъ фаворитокъ у Абдуль-Гамида двѣнадцать, и самая главная изъ нихъ — черкешенка Азизіе-Ханумъ, братъ которой состоитъ флигель-адъютантомъ при султанѣ.

Каждая кадина имѣетъ свое отдѣльное помѣщеніе, свой маленький дворъ, представляющій точный сколокъ съ

ИЗЪ ЭПОХИ ЗАВОЕВАНІЯ АЛЖИРА. Алжирцы прогоняли сквозь строй европейскихъ плѣнниковъ, но тѣхъ изъ нихъ, которые успѣвали схватиться за цѣпь надъ воротами мечети—отпускали на свободу.

султанскаго двора, съ должностями казначейши, хранительницы печатей, секретаря и т. д. въ цѣлымъ штатомъ евнуховъ, кальфы и другихъ рабынь.

Первенствующую роль въ этомъ женскомъ царствѣ играетъ Валиде — султанка (мать султана), которая стоитъ во главѣ всѣхъ, пользуется наибольшимъ вліяніемъ и, такъ сказать, заправляетъ гаремомъ, гдѣ ей всѣ подвластны.

Кадины, разъ онѣ достигли этого званія, уже на вѣкъ прикованы къ гарему, откуда имъ можетъ открытъ выходъ только смерть.

Совсѣмъ другое положеніе у икбаль, которая нерѣдко покидаютъ гаремъ, въ видѣ султанскаго подарка переходя въ руки какого-нибудь паши.

Иногда такая перемѣна въ ихъ жизни происходитъ просто потому, что онѣ надоѣли султану, иногда же она является слѣдствіемъ той роли, какая на нихъ возлагается, а именно роли шпiona.

Султанъ осчастлививаетъ подозрительнаго для него пашу своимъ царскимъ подаркомъ, и женщина эта, конечно, занимаетъ первое мѣсто въ гаремѣ новаго хозяина, у котораго въ минуту слабости выпытываетъ все, что ей надо знать.

Такимъ образомъ, напримеръ, нынѣшнему султану стали извѣстны имена многихъ знатныхъ туруковъ, которые принимали тайное участіе въ армянскомъ заговорѣ.

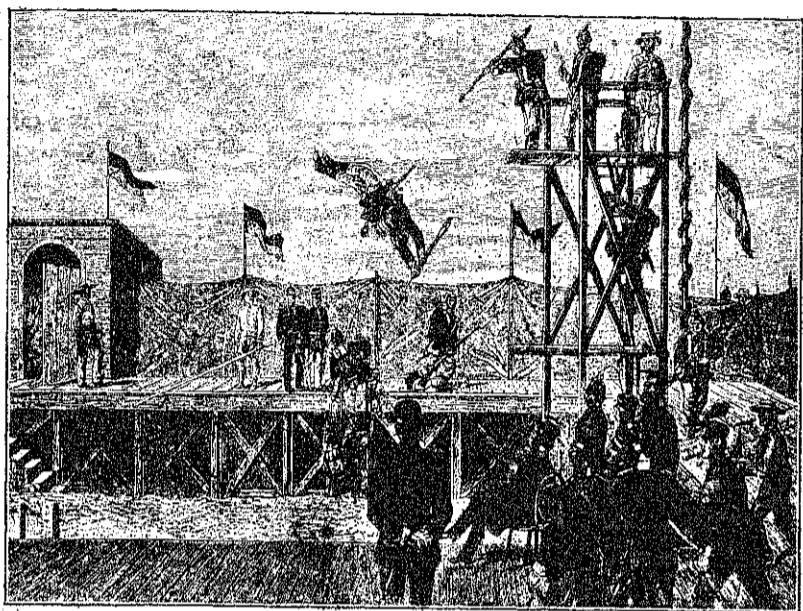
Но это единственный случай, когда отъ одалисокъ требуется извѣстная сознательность.

Въ общемъ же онѣ ведутъ чисто растительную жизнь.

Во времена султана Абдуль-Меджида за недостаткомъ строгаго надзора, онѣ предавались такимъ оргіямъ, что намѣстникъ его, Абдуль-Азисъ, нащелъ нужнымъ прибѣгнуть къ радикальнымъ мѣрамъ, и большинство гаремныхъ дамъ исчезло въ волнахъ Босфора.

Гаремъ султана Абдуль-Гамида считается самымъ выдержаннымъ и корректнымъ.

Тутъ все пристойно и прилично.

Упражнения германскихъ солдатъ въ плаваньи.

Германцы въ прошломъ.
(Историческая справка кстати).

Неприличные переговоры въ Римѣ кн. Бюлова насчетъ уступки Италіи австрійскаго Трентино, а также всѣмъ извѣстная исторія съ перелицовкой «Гебена» и «Бреслау» невольно заставляютъ вспомнить, насколько вообще исто-

сками Ивана Грознаго, заложилъ за 700 тысячъ гульденовъ нейтральному польскому королю Сигизмунду Августу принадлежавшіе Ливонскому ордену такъ называемые Инфлянты, т. е. сѣверо-западные уѣзды Витебской губ. во главѣ съ Двинскомъ (нѣмецкимъ Дюнабургомъ, осн. въ 1278 г. для жестокаго обращенія съ латышами), чтобы они не попали въ русскія руки, и, такимъ образомъ, успѣлъ и невинность соблюсти и капиталъ пріобрѣсти.

Исторіи угодно было, чтобы Инфлянты уже никогда больше въ фатерляндъ не возвращались. Но, трусливо спрятавшись за спины поляковъ, Кетлеръ все же добился того, что вызвалъ русско-польскую войну, несмотря на

Австрійскіе санитары въ Карпатахъ.

рически свойственна именно германскому неблагодарному характеру склонность къ самымъ нечистоплотнымъ коммерческимъ сдѣлкамъ по случаю острой нужды. Яркимъ примѣромъ тому служатъ слѣдующій фактъ.

Въ 1559 г., знаменитый гроссмейстеръ Ливонскаго ордена Готтардъ фонъ Кетлеръ, одинъ изъ нѣмецкихъ національныхъ героевъ, разбитый вой-

протесты Литвы, лучше, чѣмъ Польша, сознававшей общую для всѣхъ германскую предательскую опасность (недаромъ инициаторомъ Грюнвальдскаго погрома нѣмцевъ была Литва).

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и нынѣ «гордая» Германія, когда, наконецъ, придетъ для нея неизбѣжный роковой часъ, унижится до попытки отдать себя подъ покровительство какой-либо

нейтральной державы или ихъ всѣхъ вмѣстѣ. Вѣдь, унижила же себя королева Луиза передъ Наполеономъ.

Это будетъ совершенно въ духѣ «Deutschland, Deutschland über alles». Австрія же въ этомъ случаѣ, вѣроятно, будетъ держать себя благороднѣе.

Веніаминъ Семеновъ-Тянь-Шанскій.

(«Б. В.»).

**ИСТОРИЧЕСКІЕ —
— АНЕКДОТЫ.**

ОСТРОУМІЕ ВАРВАРА.

Сиракузскій тиранъ Діонисій особенно прославился своими поборами и налогами, часто глумившимися почти съ грабежомъ населенія и общественнаго имущества.

Когда ему однажды донесли, что народъ собрался на площади и бунтуется, онъ сказалъ:

— Теперь, должно быть, у нихъ ужъ ничего не осталось и съ нихъ больше нечего взять, коли они подняли открытый бунтъ.

Онъ хорошо зналъ, что его ненавидятъ и клянутъ.

Однажды онъ назначилъ на какую-то важную должность явнаго и всѣмъ извѣстнаго негодяя, и когда ему это поставили на видъ, онъ сказалъ:

— Миѣ хочется, чтобы въ Саракузахъ былъ хоть кто-нибудь, кого проклинали бы еще лучше, чѣмъ меня.

Не довольствуясь налогами, онъ началъ грабить храмы. Такъ, онъ стащилъ со статуи Юпитера роскошную накидку, даръ его предшественника Пьерона, говоря, что такая одежда зимою холодна, а лѣтомъ тяжела, и что ее лучше замѣнить простымъ шерстянымъ плащомъ.

СЕРДЦА И ДУШИ.

На вѣнскомъ конгрессѣ была передѣлана вся карта Европы, и многимъ государямъ пришлось получить лишнія земли и лишніхъ подданныхъ, которыхъ на дипломатическомъ языкѣ, подъ вліяніемъ крѣпостной Россіи, называли душами.

Морской бой 300 лѣтъ тому назадъ.

Всѣмъ извѣстна исторія, когда онъ собственноручно застрѣлилъ одалиску, которая позволила себѣ съ нимъ немного рѣзкое движеніе, почему онъ предположилъ въ ней желаніе его задушить.

Другой случай еще больше характеризуетъ его подозрительный, жестокий нравъ.

Маленькая, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка случайно забрела изъ гарема въ его рабочей кабинетъ и, увидавъ на столѣ одинъ изъ крошечныхъ револьверовъ, которые постоянно находятся при султанѣ, стала его разсматривать.

Въ эту минуту вошелъ Абдуль-Гамидъ.

Увидавъ его искаженное отъ гнѣва лицо, дѣвочка испугалась и расплакалась.

Это окончательно убѣдило султана въ ея виновности, онъ повелѣлъ ее схватить и «допросить».

Бѣднаго ребенка подвергли всевозможнымъ истязаніямъ, вгоняли подъ ногти раскаленные желѣзные острия, но, кромѣ стонъ и криковъ, ничего не могли добиться и тогда только отпустили несчастную.

По малѣйшему подозрѣнію, одалиска исчезаетъ неизвѣстно куда, и остальные должны забыть о ея существованіи, не смѣя спросить, гдѣ она, ни даже назвать ея имени.

Сконфуженный нѣмецъ.

Два торговца—русскій и нѣмецъ—завели споръ о достоинствахъ и недостаткахъ германскаго кайзера.

Нѣмецъ находилъ еще достоинства въ кайзерѣ.

Русскій блестяще разбивалъ доводы нѣмца и рисовалъ въ истинномъ свѣтѣ фizioномію его.

— Вотъ интересно, чтобы сказалъ о немъ Л. Н. Толстой, если бы былъ живъ,—воскликнулъ нѣмецъ.

— А графъ Толстой еще 8 лѣтъ тому назадъ на валъ его грубымъ и невѣжественнымъ, — спокойно возразилъ русскій.

Нѣмецъ разгорячился и потребовалъ доказательствъ, не допуская такого мнѣнія гр. Толстого про кайзера.

Тогда русскій представилъ ему письмо гр. Л. Н. Толстого, гдѣ въ письмѣ «къ китайцу», писанномъ еще въ октябрѣ 1906 г., во II главѣ, были подчеркнуты слова: «Одинъ изъ самыхъ грубыхъ и невѣжественныхъ представителей Западной Европы—германскій императоръ».

Нѣмецъ былъ сконфуженъ и опѣшилъ, отказавшись продолжать споръ.

КЪ ИСТОРИИ ВОЕННАГО ЗНАМЕНИ.

Изъ коллекціи древнѣйшихъ русскихихъ знаменъ.

Древне-греческіе военные анекдоты.

Дмитрій, взявъ и разрушивъ Мегару, спросилъ философа Стильпона, уроженца этого города, не было ли у него что-нибудь отнято.

«Нѣтъ, ничего»,—отвѣчалъ Стильпонъ, потому что мудрость никогда не дѣлается военной добычей».

Филиппъ, царь македонскій, желая взять одну крѣпость, послалъ своихъ офицеровъ на рекогносцировку къ ней.

Вернувшись, они донесли, что крѣпость неприступна.

«Какъ», вскричалъ Филиппъ, даже и для осла съ мѣшкомъ золота?»

Наканунѣ сраженія при Арбеллахъ къ Александру пришли нѣсколько его друзей съ очень дурными, какъ имъ казалось, вѣстями.

По ихъ мнѣнію, настроеніе солдатъ было весьма неблагонадежное, потому что они сговорились все грабить въ свою пользу, ничего не оставляя для царской казны.

«Вы приносите мнѣ, напротивъ, отличныя извѣстія», возразилъ имъ Александръ: «такъ могутъ сговариваться только солдаты, увѣренные въ побѣдѣ, а не помышляющіе о бѣгствѣ».

Наканунѣ Саламинскаго сраженія начальникъ коринтскаго флота, Адемантъ, никакъ не соглашался пустить свои корабли въ битву,—Фемистокль же настаивалъ на немедленномъ нападеніи на непріятеля.

«Но ты знаешь», — замѣтилъ ему Адемантъ, «что на нашихъ играхъ бьютъ плетями того, кто незванно полѣзетъ въ состязаніе!»

— «Твоя правда», — возразилъ Фемистокль, «но вѣдь и тѣ, кто придетъ слишкомъ поздно, не получаютъ вѣнка».

Многіе считали Тимофея не столько талантливымъ, сколько счастливымъ полководцемъ; по рукамъ ходило нѣсколько каррикатуръ, изображавшихъ его спящимъ, между тѣмъ какъ города сами влѣзаютъ къ нему въ мѣшокъ.

По поводу одной изъ нихъ онъ сказалъ:

«Если я сонный беру столько городовъ, то что же я сдѣлалъ бы, если бы не спалъ?»

Въ книжномъ складѣ „20-й ВѢКЪ“
Петроградъ, 7-я Рождественская, 30,
и на всѣхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ
продаются слѣдующія книги:

ДРЕВО ПОЗНАНІЯ ДОБРА И ЗЛА.

Злая пародія на энциклопедіи и словари современниковъ. Полное объясненіе нѣсколькимъ тысячамъ русскихъ словъ. Веселыя характеристики современнѣйшихъ писателей, художниковъ и артистовъ.
Эта книга — совершенно небывалое явленіе въ русской юмористической литературѣ и вполне заслуженно пользуется огромнымъ успѣхомъ у читающей публики.
Юморъ брызжетъ изъ каждой строки этой заразительно-веселой пародии на энциклопедіи. Сотни блестящихъ афоризмовъ, остроумныхъ стихотвореній, забавныхъ характеристикъ — национальностей, городовъ, общественныхъ дѣятелей и т. п. Составилъ Мрачный Юмористъ. 320 стр. текста.

Цѣна одинъ рубль
съ пересылкой (можно почтовыми марками). Выписывающіе съ наложеннымъ платежомъ уплачиваютъ 1 руб. 25 коп.
ЗАКАЗЫ АДРЕСОВАТЬ:
Петроградъ. 7-я Рождественская ул., д. № 30. Книжный складъ журнала „20-й вѣкъ“.

ОБЫВАТЕЛИ.

33 юмористическихъ
= **разказа** =
→ **Евгенія Сно.** ←

СОДЕРЖАНІЕ. 1. Столичное. — 2. Адская мѣсть. — 3. Испанскій романъ. — 4. Англійскій романъ. — 5. Китайскій романъ. — 6. Маскотта. — 7. На по средствахъ. — 8. Мой первый юморъ. — 9. Прищипка. — 10. Макароны. — 11. Семейники. — 12. Письмо. — 13. Опасный возрастъ. — 14. Подъязыкъ. — 15. Франтъ. — 16. Аппашъ. — 17. Нѣтъ худа безъ добра. — 18. Счастливы билетъ. — 19. Талантливая семейка. — 20. Культурная миссія. — 21. Опись имущества. — 22. Собственникъ. — 23. Бенефисъ. — 24. Нарушеніи тишины. — 25. Влины. — 26. Не женился и отлично свѣдѣлъ. — 27. Письма дѣдушкѣ. — 28. Иродъ. — 29. Демонъ. — 30. Веселая любовь. — 31. Застѣнчивость. — 32. Дачная удовольствія. — 33. Тайна сердца.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ХРИЗАНТЕМЫ.

СОДЕРЖАНІЕ. I. Оркъ. Венеціанская сказка. Жоржъ Зандъ. — II. Народный праздникъ въ Римѣ. Де-Сталь. — III. Бѣгство Мегги Джорджъ Элиотъ. — IV. На разныя дорожки. Элизъ Ожешко. — V. Какъ надо любить. Пастель М. Серво. — VI. На полѣ битвы. Верги Зутнеръ. — VII. Музыкантъ. Сельма Лагерлефъ. — VIII. Часы Клары Рибигъ. — IX. Марьяшка. Марія Конопницкая. — X. Въ туманѣ. Ады Негри. — XI. Кровавая мѣста. Карнейя Сильва. — XII. Моя первая любовь. Э. Парло-Вазанъ. — XIII. Пьеретта. Жипъ. — XIV. Живая поэма въ прозѣ Нины Вичи.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

МУХОМОРЪ.

26 юмористическихъ
= **разказовъ** =
→ **Евгенія Сно.** ←

СОДЕРЖАНІЕ. I. Въ тѣхъ уголѣхъ. — II. Себѣтвенный корреспондентъ. — III. Разбитое сердце. — IV. Отелломанія. — V. Ванна. — VI. Остроуміе. — VII. Традиціи нарушены. — VIII. Артистъ. — IX. Источникъ просвѣщенія. — X. Капитанъ. — XI. Черная неблагодарность. — XII. Разважика. — XIII. Американка. — XIV. Интеллигентное знакомство. — XV. Междувѣдическое свиданіе. — XVI. Зубы. — XVII. Сметы. — XVIII. Старѣющее и нестѣющее. — XIX. На всѣ руки мастера. — XX. Самообразованіе. — XXI. Дядя. — XXII. Добросовѣстность. — XXIII. Тигръ. — XXIV. Фаско. — XXV. Святое искусство. — XXVI. Орлица.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ЧЕРТОПОЛОХЪ.

47 юмористическихъ
= **разказовъ** =
→ **Евгенія Сно.** ←

Изданіе 3-е. Восьмая тысяча.
1. Безпокойная жизнь. — 2. Мы. — 3. Экономная жена. — 4. Коверъ самолетъ. — 5. Другъ семьи. — 6. На романтической подкладкѣ. — 7. Авоська. — 8. Жизнь. — 9. Бунтъ. — 10. Красный пѣтухъ. — 11. Рыболовъ. — 12. Не убивай его. — 13. Страхи. — 14. Доброжелательница. — 15. Дорогое удовольствіе. — 16. Сословіе. — 17. Приятель. — 18. Да въ вѣсткѣ. — 19. Лѣшій. — 20. Сонъ. — 21. Вегетарианецъ. — 22. Деликатность. — 23. Чудило. — 24. На высотѣ. — 25. Столичный гость. — 26. Птицы. — 27. Кулинарное искусство. — 28. Шукки. — 29. Лига смерти. — 30. Форны. — 31. Авиаторъ. — 32. Хирургія. — 33. Сеансъ. — 34. Поздравители. — 35. Мандаринъ и Сатирикъ. — 36. Ночью. — 37. Мужикъ. — 38. Взятки глазами. — 39. Толстый и тонкій. — 40. На улици. — 41. Гимназисты. — 42. О красной шапочкѣ. — 43. Улица. — 44. Живая хронологія. — 45. Анекдоты. — 46. Гамлетъ. — 47. Зелье.

256 страницъ. Цѣна 1 рубль.

ОРХИДЕИ.

Литературно-художественный сборникъ произведеній лучшихъ европейскихъ писательницъ.

СОДЕРЖАНІЕ. I. Король вѣтъ. Каринъ Михайльсъ. — II. Изъ Анны Виванти. — III. Умильта. Повѣсть Уэда. — IV. Клятва М. фонъ-Эриеръ-Эшбахъ. — V. Сказка про бѣлаго бычка. М. Релланъ. — VI. Комическая трагедія. Мистъ Клифордъ. — VII. Скромность. Новелла Негри. — VIII. Стальность — не радость. — IX. Любовь ослѣпа. М. Дель-Гранца.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

ГОРОДЪ МЕРТВЫХЪ.

Повѣсти и разказы
О. П. Снѣгиной.

СОДЕРЖАНІЕ. Городъ мертвыхъ. Колдуны. Варьяна. Жена царя. Туманный вечерокъ. Ватракъ. Лѣсная сторожка. Канѣль съ крыши. Человѣкъ съ черными глазами. Прождаль. Гость смерти. Семь. Собака клоуна. Мой врагъ. Въ пллкъ. Мечта. Старое кладбище. Анна Ивановна. Скорбящимъ. — На отдыхѣ.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

Викторіенъ де-СОССЕИ

НОЧЬ ЛЮБВИ.

(Un Nuit d'Amour).

Популярный авторъ Викторіенъ де-Соссей, недавно выпустилъ въ свѣтъ новый шедевръ своего искуснаго пера. „Ночь Любви“ — романъ страсти, какъ гласятъ французскій подзаголовокъ книги, даетъ дѣйствительно захватывающее, въ высшей степени откровенное описание картинъ страсти, которыя сильнѣе разстоянія и, развѣ, овладѣвъ человѣкомъ, уже не дасть ему свободы. Гдѣ-бы онъ не былъ: въ Парижѣ-ли, въ Африкѣ — всюду стоитъ передъ нимъ любимый образъ, спасающая его отъ соблазновъ жизни и выводящая невредимымъ изъ борьбы.
Книга снабжена многокрасочной художественной обложкой, на мѣловой бумагѣ. Книга эта переведена на всѣ европейскія языки.

256 страницъ. Цѣна 1 рубль.

„ПОЛУСВѢТЪ“.

Иллюстрированный альманахъ легкаго жанра съ рисунками и каррикатурами лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Краткое содержаніе. Историческія дамы полусвѣта. Фрика. — Аспазія. — Никонъ де-Ланкло. — Фривольные разказы: Шикъ-Мимъ. — Тайны кокотки. — Какъ я отомстилъ. — Изъ дневника Этуали Фуроръ. — Мимоза. — По договору. — Изъ парфюмернаго магазина. — Маленькая ошибка. — Серпантинъ. — На испытаніи. — Руководство для стзулей. — По ошибкѣ. — Незнакомка. — Не исти. — Въ сѣтяхъ Парижа. — Сигналь. — Дѣловъ шляпъ. — Во мракѣ. — Письма. — Секретъ. — Кроми того, стихи множество веселыхъ мелочей съ 60 ю юнглесскими иллюстраціями въ текствѣ, въ роскошной худож. многокрасочной обложкѣ.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

Игривая жена.

Романъ Вилли. Почти во всѣхъ романахъ талантливаго автора Вилли фигурируетъ остроумный селтикъ Мюли. Романъ „Игривая жена“ всецѣло посвященъ Мюли и его возлюбленной-женѣ Леока Пайе-игривой Маргъ. Читается съ громаднымъ интересомъ. Цѣна 1 рубль.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

Игры принца.

Вилли. Въ своемъ новомъ произведеніи, талантливый авторъ наумчлншей книги „Клоуны“ южнн красками рисуетъ несубудланную жизнь современнаго французскаго высшего общества. Цѣна 1 рубль.

160 страницъ. Цѣна 60 коп.

Прекрасная венеціанка.

Романъ М. Фермонъ. Последнее произведеніе французскаго романа М. Фермона посвящено рыцарской любви молодого и знатнаго венеціанца Паоло къ прекрасной Цециліи. Цѣна 1 р.

Подруга принца Жана.

Вилли. Подруга принца Жана — такъ называютъ актрису Гаэттану, даму балъзаковскихъ лѣтъ, красавицу съ неуротичнымъ темпераментомъ. То обстоятельство, что ея интимнымъ другомъ является таинственный принцъ Жана, чуть ли не королевская особа — окружаетъ Гаэттану особымъ ореоломъ въ глазахъ ея поклонниковъ. Это книга романа, на которой остроумный Вилли вышилъ множество изящно-склабреныхъ узоровъ. Описание сценъ любви полно шаловливой игривости. Ц. 1 р.

Красный поцѣлуй.

М. Фермонъ. На фонѣ разсыпанной и легкомысленной жизни высшего французскаго общества, размыргывается трагическій романъ между испанскимъ аристократомъ Фелиномъ Рамиро и дѣвушкой изъ французской буржуазіи, Терезой Соваль. Препятствіемъ для счастливаго соединенія влюбленныхъ служитъ прежняя любовница Рамиро, пылкая испанка, маркиза де-Реаль. Цѣна 1 рубль.

Славяньскій старичокъ.

Вилли. Это талантливое произведеніе служитъ блестящимъ подтвержденіемъ слова стараго князя Грешина: „Люби въ возрастѣ покорны“. Герой романа Тардо прожилъ спокойно до сѣдыхъ волосъ, но, вдругъ на его жизненномъ пути встрѣчается ему воздушная, изящная красавица, Пимпикъ. Спокойствію самостоятельности Тардо пришелъ конецъ, онъ безумно влюбился. Ц. 1 р.

Игры принца.

Вилли. Въ своемъ новомъ произведеніи, талантливый авторъ наумчлншей книги „Клоуны“ южнн красками рисуетъ несубудланную жизнь современнаго французскаго высшего общества. Цѣна 1 рубль.

„ВѢСТНИКЪ РАСТИТЕЛЬНОЙ КОСМЕТИКИ“

ПОМЪЩАЕТЪ СТАТЬИ ПО ВОПРОСАМЪ:
Какъ излѣчить совершенно безвредными домашними средствами, всякія важныя болѣзни; какъ сохранить и усилить свою красоту; какъ уничтожить всѣ дефекты лица, какъ-то: загаръ, веснушки, угри, прыщи, морщины и гусиные лапки.
Словомъ, все, что можетъ интересовать каждую женщину для ухода за ея здоровьемъ, красотой глазъ и гигиеной тѣла, лица, рта, зубовъ и волосъ, она найдетъ въ этомъ журналѣ.

Подробный иллюстрированный проспектъ о растительной косметикѣ высылается бесплатно.

Адресовать въ Главную Контору редакціи журнала „Вѣстникъ Растительной Косметики“:
ПЕТРОГРАДЪ, Дегтярная ул., д. № 26-30

«Побѣдителей» не судятъ! сказала «храбрый» Гансъ... и... былъ правъ! Его не судили... а сразу-же повѣсили!

▽▽▽
Требуйте у всехъ газетчиковъ и на станціяхъ жел. дор. **„20-й ВѢКЪ“** РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, КАРТИНЫ и РИСУНКИ
ИЗЪ ВОЕННОЙ ЖИЗНИ
Корреспонденціи съ театра войны. Цѣна 6 коп.